

БИОГРАФИЯ КАК ПРЕДМЕТ

А. В. Лихачевская

Метафорика социологии возраста и необходимость новых дотеоретических оснований

Алина Владимировна Лихачевская — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** alina.likhachevskaya@yandex.ru.

Аннотация: Отсутствие сквозных оснований для концептуализации возраста привело к тому, что социология возраста сейчас представляет собой ансамбль из нескольких разрозненных субдисциплин, исследующих детство, молодость и старость по отдельности. Одним из эффектов такой разрозненности стала также нечувствительность социологии к «взрослости» как к самостоятельной категории, а не вспомогательному атрибуту индивида. Существующие возрастные классификации, к которым прибегают социальные ученые, одновременно полагают взрослых как типичных, в этом они наследуют классикам нашей науки, и в то же время «взрослость» и возраст ускользают от попыток социологов дать им определение. Прежде чем сформулировать фундаментальные концепции, способные придать социологии возраста целостность, мы обратимся к метафорическим логикам, которые лежат в основании нынешних подходов к исследованию различных возрастных групп, проявим их политическую подоплеку, а затем предложим собственную версию концептуальной метафоры, которая могла бы побудить социологов к поискам новых источников эвристик.

Ключевые слова: метафора, возраст, социология возраста, взрослость, детство, молодость, старость

Для цитирования: Лихачевская. А. В. Метафорика социологии возраста и необходимость новых дотеоретических оснований // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 9–21.

В библиотеке Шанинки раздел, посвященный социологии возраста, представлен корпусом книг, ни одна из которых не содержит в названии слово «возраст». На полках мы найдем упоминания детства, молодости и старости в самых разных вариациях — и практически ни одной работы, которая работала бы со взрослыми¹ и с общей категорией возраста как объектом исследования. Это не дефект библиотечного каталога, а отражение ситуации, которая сложилась в субдисциплине на сегодняшний день. Более того, подобное происходит не только в социологии: «Общество в целом и научное сообщество в частности занято возрастными периодами до и после зрелости. Оно интересуется возрастными формациями, в которых человек или ещё не достиг автономии (детство), или не установился в жизни (молодость), или в какой-то мере утратил автономию „по возрасту“ (старость)» [Лишаев, 2017, с. 96, курсив мой]

Для того чтобы найти источник избирательности исследователей в отношении разных возрастных групп, я решила обратиться к метафорам, которые стоят за социологическими работами о детях, молодежи и пожилых и которые могли бы объяснить внутреннюю раздробленность социологии возраста. Будучи теоретиком метафоры, я понимаю её как дотеоретическое основание социологического исследования [Лихачевская, 2023], которые предоставляют ученому источник «новых идей, горизонтов, смыслов, прозрений» [Шмерлина, 2017, с. 15].

В самых общих чертах своей задачей я вижу поиск нового источника эвристики, который позволит утверждать, что социология возраста способна быть самостоятельной субдисциплиной [Смолькин, 2022, с. 27], а не ансамблем нескольких социологий, сосредоточенных каждая на своем диапазоне возрастов и плохо общающимися между собой.

Исходная интуиция подсказывает, что связь категории возраста с невниманием социологов к людям средних лет, не случайна. На это указывает Смолькин: в первом и пока единственном сборнике статей по социологии возраста на русском языке во вступительном слове редактора он отмечает, что в социологической теории типичный всегда понимается как взрослый. «Все акторы равно „акторны“, однако под ними подразумеваются взрослые люди, и веберовское понимание социального действия явно не предназначено для анализа детского поведения и т. п.» [Смолькин, 2019, с. 10–11]. На протяжении развития наша наука опиралась на допущение «типичный = взрослый», а значит все остальные категории возрастов становились маргинальными

¹ За исключением тех исследований, которые работают с категорией «средних лет» в комбинации с другими характеристиками. Например, ряд работ посвящен «женщинам среднего возраста», где впрочем сам возраст не тематизируется. См. [Здравомыслова, 2018].

и их изучение требовало обособления, которое впоследствии привело к появлению социологии детства, социологии молодежи, геронто-социологии и т. п. [см., например, Журавлева и др., 2023].

Но это равенство может быть рассмотрено и в обратном направлении: «взрослый = типичный». Разница, на первый взгляд, незначительная, но позволяет объяснить ключевой эпистемический разрыв, который ответственен за лауну, обнаруженную нами в начале статьи. Взрослый — это тот, относительно которого определяется ребенок, подросток или пожилой человек, а значит и всё то множество объектов исследовательского интереса, которые составляют сейчас социологию возраста. При этом субдисциплина попадает в петлю двойной негативности: как понятие «взрослый» остается не-до-определенным или, скорее, определяется апофатически (взрослый это «не-ребенок/не-молодой/не-старый»), но в то же время каждая из возрастных групп дети/молодежь/старики понимается через инаковость относительно взрослых. Развернем эту вторую негативность подробнее.

Как за обиденными, так и за распространенными научными описаниями возраста стоит идея вектора, который направлен от рождения к смерти². Возраст в этом случае выступает делениями вектора, а возрастные группы — соответствующими диапазонами³. Этот образ находит отражение в половозрастных демографических пирамидах, таблицах и иллюстрациях классификации возрастов, а также в тех лингвистических средствах, которые используются в описании категории возраста. Вектор также характеризуется целостностью, а деления и диапазоны сменяют друг друга в определенном порядке. Все эти предикаты наследуются в том понимании возраста, который отвечает за отсутствие категории «взрослость»⁴: в середине направленного отрезка/шкалы «возраст» есть привилегированный неименованный диапазон⁵, а всё, что остается по левую и правую сторону от него, и будет попадать в фокус внимания социологии возраста.

В этом случае детство и старость становятся «ещё-не» и «уже-не» взрослостью, а молодость — «не-взрослостью», но совсем по другому

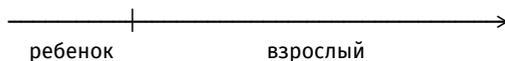
² Здесь мы прежде всего отсылаем к подходам для изучения возраста как стадии жизненного цикла и возраста как этапа *жизненного пути* [Бочаров, 2001; Лаз, 2019], которые имплицитно опираются «на представление о том, что возраст линейен» [Лаз, 2019, с. 154].

³ Опустим здесь вопрос о «плавающих» границах возрастных диапазонов в определении детства, юности, молодости и старости.

⁴ Я избегаю употребления термина «зрелость», так как он метафорически нагружен и содержит нежелательные импликации.

⁵ Здесь мы угадываем формулу «людей среднего возраста», которая обычно употребляется применительно к людям приблизительно между 35 и 65 годами.

основанию. Чтобы доказать этот тезис, следует внимательно проследить ту метафорику, которая наиболее часто встречается в социологии возраста.

Начнем с детства. Всё многообразие метафор, к которым обращаются социологи в исследовании детей, сводится к двум доминирующим интуициям: «ребенок как некомпетентный человек» и «ребенок как неполноценный человек». Эти две группы метафор комплементарны и могут смешиваться в разных комбинациях, но для меня будет принципиальным то, как они относятся к категории взрослости и возраста.

В первой логике дети предстают как индивиды, которых надлежит сделать достойными членами общества в процессе социализации [Бергер, Бергер, 2004, с. 73]. Взрослый здесь всё тот же «типичный», а возраст — маркер ожидаемого достижения полноценной социализации. Относительно ребенка как ещё-не-члена-общества все остальные будут гомогенными взрослыми: неважно речь идет о людях 20 или 70 лет.

В группе метафор «неполноценности» ребенок оказывается несовершенной версией человека, что, помимо прочего, находит отражение в языке⁶. Для социологии такая версия детства означает период, когда человек не может считаться эквивалентным тому, кто его изучает, на основании количества прожитых лет. Здесь мы впервые подходим к позиции самого социального ученого, который посвятил себя изучению детей. Если ребенок = «недо-человек», то оптика социолога будет отмечать те дефициты и несоответствия, которые отличают детей и взрослых, а не фокусироваться на особенностях и уникальных проявлениях, присущих этому диапазону возрастов (если таковые вообще схватываются).

С молодежью дело обстоит иначе. Поначалу складывается впечатление, что в исследованиях подростков, юности и молодости доминирует метафорика чуждости и девиации: люди этого возраста описываются как носители не свойственных взрослым субкультур и делинквентных практик: не в последнюю очередь связке «молодежь/

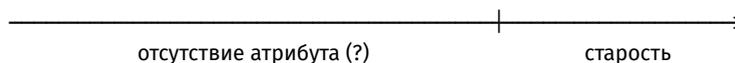
⁶ Термины *несовершеннолетний*, *underaged*, а также английская пара *minor/major*, и немецкая *minder/voll* указывают на распространенное понимание детей как «недо-людей».

девиантность/субкультура» социология обязана ряду классических работ Чикагской школы [Бергер, Бергер, 2004, с. 315], которые выбирали различные группы молодежи в качестве парадигматических кейсов в исследованиях отклоняющегося поведения. Впрочем, некоторые философы считают, что это общепринятое отношение: «Сегодня общество боится молодежь потому, что не знает, что она собой представляет и к чему стремится. Будучи частью мира взрослых, она этому миру чужда — вроде бы своя, но в то же время чужая» [Бадью, 2017, с. 85].

Тем не менее, есть и другая группа метафор, которая предлагает смотреть на молодежь как на экспериментаторов и авангардистов. Понимаемая как «инновационная сила» [Бочаров, 2001, с. 39], молодость становится для общества (и для социальных ученых) источником нового: «Молодое население является креативным достоянием общества, способствующим созданию и осуществлению инноваций в экономике и других сферах его жизни» — вот выдержка из аннотации к сборнику статей «Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов» [2019], выпущенного по итогам одноименной конференции. Составители рассчитывают, что материалы сборника не только продемонстрируют потенциал молодежи, но и пригодятся «молодым специалистам, ориентированным на реализацию своих компетенций в регионах как стартовых площадках молодых лидеров России». [Там же, с. 4]

Из этих двух метафорических логик произрастают два типа отношений социолога к молодежи: индивиды в этом диапазоне возрастов могут быть теми, кто ведет себя не как взрослый, или теми, кто принесет в мир инновации. Следовательно, по отношению к типичному человеку представитель молодежи либо маргинал, который по емкому комментарию Бергеров «перебесится» [Бергер, Бергер, 2004, с. 259], либо потенциальный контркультурщик, способный изменить историю.

Снова отметим, что две метафорические логики могут переплетаться и обычно не рефлексировуются учеными, поэтому предлагаемое различие носит скорее аналитический характер. Оба способа предлагают взгляд на молодых как на не-таких-как-взрослых. Но, в отличие от социологии детства, здесь взрослый преимущественно отсутствует. Он, безусловно, такой же типичный или «нормальный» человек, но для исследований молодежи период взрослости выступает фоном, на котором предстает фигура молодости.

Исследования старения и старости преимущественно стремятся ответить на «проблему глобального постарения населения» [Смолькин, 2019, с. 11], что часто выливается в отсутствие каких-либо

теоретических оснований в эмпирических работах⁷. Тем не менее, в классических и современных социологических текстах присутствуют метафоры, которые с долей упрощения можно сгруппировать также в две метафорические логики.

Первой доминирующей интуицией в размышлениях о старости становятся идеи завершения и ухудшения. Для этой модели характерно ретроспективное понимание среднего возраста как «жизненного пика», после которого вектор устремляется «вниз» к смерти. Здесь старость связывается с болезнями и близостью к смерти⁸, а старение устойчиво воспринимается как проблема: «Подобный подход фокусируется на пожилых людях, причем старость преимущественно понимается как негативное явление, как период упадка и ослабления» [Лаз, 2019, с. 158–159].

С появлением запроса на «проекты позитивной старости» [Елютина, 2023, с. 245] и критики модели старения как «завершения со знаком минус» социология обратилась к иному способу теоретизирования, которую мы обозначим как метафору аккумуляции. Согласно этой идее, старость воспринимается как период наибольшего накопления опыта, мудрости, знаний [Там же, с. 233], а часто и богатства, следовательно люди старшего возраста предстают кем-то, кто в определенном отношении превосходит индивидов в периоде взрослости.

Наблюдая за дискуссиями на конференциях, посвященных темам старости и старения, я предполагаю, что по крайней мере одна из причин такого переосмысления состоит в том, что сами теоретики возраста неизбежно обнаруживают себя в числе «пожилых»⁹. В сборнике статей о старении (aging) одна из ведущих исследовательниц в этой области Г. Хагестад пишет: «С возрастом меня всё больше поражает, как много „других“ возникает в научных дискуссиях. Одновременно смешно и грустно видеть, как группа геронтологов, всем далеко за 60, говорит о них — стариках. Мы говорим так, как будто согласны с Мэри Пайфер, которая называет старость „другой страной“, местом, где мы не живем. Добились бы мы большего прогресса, если бы сказали мы и нас?» [Hagestad, 2011, p. 654, курсив в оригинале].

Если суммировать метафорические логики завершения и накопления, раздел социальных наук о старости и старении полагает чело-

⁷ Анализ В. Бенгтсоном 5-летнего среза статей по социальной геронтологии показал, что в большинстве (72%) публикаций в восьми журналах не сделано ни одной отсылки или упоминания какой-либо теоретической традиции.» [Смолькин, 2019, с. 11].

⁸ Например, в книге Бергеров одна из глав выглядит следующим образом: «Старость, болезнь и смерть» [Бергер, Бергер, 2004. с. 353].

⁹ Автор статьи неоднократно фиксировал артикуляцию своего возраста организаторами, докладчиками и комментаторами таких конференций, что в будущем, возможно, станет самостоятельным предметом отдельного исследования.

века старшего возраста как имеющего такой набор свойств и характеристик, которые не присущи людям среднего и младшего возраста (не столько важно, будут ли это условно отрицательные феномены вроде болезней и патологий или положительные, как мудрость и знания).

Резюмируя краткий экскурс в метафорические основания социологии возраста, я вернусь к двойной негативности взрослости. Возрастной диапазон, который находится между детством и молодостью, с одной стороны, и старостью с другой, выступает для трех этих категорий отправной точкой. При этом люди в периоде взрослости оказываются в позиции невидимого гегемона по отношению к остальным: они определяют кого и почему считать «не-взрослым», не позволяя пошатнуть сложившиеся властные отношения и классификации [Лаз, 2019, с. 175].

Не будет преувеличением сказать, что социологии возраста не существует. Есть совокупность субдисциплин, которые, если мы и хотим объединить под общим заголовком, корректнее было бы назвать социологией не-взрослости. Отсюда возраст нельзя считать самостоятельным концептом — он будет применяться и работать по-разному в зависимости от того, в каком контексте его употребляет социолог.

Итак, я подхожу к политической стороне понимания возраста и взрослости. Это не первая попытка посмотреть на возрастные категории по аналогии с классовой борьбой и преодолеть навязанное доминирующей группой «видение мира и видение своего положения в мире» [Бурдые, 2007, с. 21], поэтому обращаюсь к более авторитетному автору.

В работе А. Бадью «Истинная жизнь» [Бадью, 2018] взрослые практически отождествляются с буржуазией, а персональная ставка автора заключается в том, чтобы свергнуть их гегемонию руками молодых, к бунту которых смогут присоединиться «старые драчуны»: «Было бы в высшей степени справедливо организовать совместный поход молодых и стариков против сегодняшних взрослых» [Там же, с. 88]. В этом манифесте сам Бадью мыслит себя именно таким стариком. «Начнем с очевидного: мне шестьдесят девять лет», — такой репликой он открывает эссе. Будучи востребованным мыслителем, он явно не относит себя к тем, «кто занимает в обществе все ключевые позиции, и чей возраст варьируется примерно от тридцати пяти до шестидесяти пяти лет» [Там же, с. 89]. И, судя по этому тексту, ситуация его не устраивает.

Не вдаваясь в подробности альянса между угнетенными возрастными группами, перейдем к проекту перераспределения власти взрослых. В попытке помыслить низвержение возрастной иерархии, Бадью продолжает опираться на то же самое разделение молодежь/взрослые/старика, чем только укрепляет ортодоксию. Восставшие сегодня молодые и пенсионеры, которые свергнут власть людей среднего возраста, завтра столкнутся с возмущением детей и подростков,

так как источник дискриминации в виде самой классификации возрастных диапазонов никуда не исчез. Если Бадью действительно стремится к обществу, построенному на принципах равенства [Там же, с. 99], необходимо отказаться от идеи дробления возраста на подобные иерархизированные категории.

Попробуем зайти с другой стороны и поискать проекты сглаживания возрастной дифференциации. М. Эпштейн в философских рассуждениях о возрасте намеревается «усилить межвозрастную симпатию» [Эпштейн, 2006, с. 51] посредством умножения возрастов и указания на самоподобие возрастных промежутков. Так у него возникают повторяющиеся циклы детства, отрочества, молодости, зрелости и старости, внутри которых можно различить те же самые пять фаз [Там же]. На этом основании Эпштейн заявляет, что новая возрастная классификация повысит солидарность между людьми разных возрастов: «Старый молодой человек, переходящий черту молодости, может почувствовать бóльшую возрастную близость к своему отцу, переходящему черту старости, чем к своему же младшему брату, находящемуся в расцвете молодости, в „молодой“ или „зрелой“ её поре» [Там же, с. 51]. На наш взгляд, такая мультипликация категорий только радикализирует проблему иерархии разных возрастов. В модели Эпштейна возникают «взрослые в квадрате»¹⁰, а внутри каждой фазы — свои дети и старики, что вряд ли способно преодолеть борьбу за власть, а скорее её только усугубит и сделает более выраженной в пределах, как возрастных категорий, так и в целом.

Эти два отступления в философию были призваны показать ограничения разных способов мыслить возраст и доминирующее положение взрослых в существующей парадигме. Теперь вернемся к социологии и её предложениям в деле теоретизирования возраста. Обнаружив устойчивую связь между возрастом и властью, Ш. Лаз [2019, с. 175] также столкнулась с необходимостью найти новые основания для концептуализации возраста. Она предложила мыслить возраст-как-достижение [Там же, с. 149] по аналогии с гендером и указала на сходства между этими категориями: «согласно традиционным культурным представлениям, гендер ассоциируется с женщинами, тогда как доминирующая группа — в данном случае мужчины — рассматривается как лишенная пола» [Там же, с. 147]. Действительно, ситуация напоминает положение взрослых относительно других возрастов.

Однако метафорика перформативности не позволяет раскрыть целый ряд особенностей, которые присущи возрасту, но не гендеру. «Возраст человека — нелинейная, недискретная (в сравнении с гендером или расой) и индивидуально вариативная характеристика»

¹⁰ В авторской классификации «зрелые зрелые» — люди в возрасте примерно 45–55 лет [Эпштейн, 2006, с. 50].

[Смолькин, 2019, с. 9]. Если с нелинейностью и вариативностью предложение Лаз справляется, то недискретность требует других интуиций. Здесь, как ни странно, на первый план выходит позиция самого общества относительно вопроса возраста.

«Любое общество осуществляет строгий контроль над переходом своих членов из одного статуса в другой. Что касается полового статуса, этот контроль осуществляется особенно строго. Изменения допускаются только в жестко регламентированных случаях, причем в дальнейшем они обычно рассматриваются как „временные“ и „игровые“ вариации того, чем человек „в конечном счете“ является „на самом деле“. Таким путем общество осуществляет строгий контроль над своей половой структурой и её изменением» [Гарфинкель, 2007, с. 126]. Если в этом фрагменте из статьи Гарфинкеля заменить половой статус на возраст, она всё ещё останется справедливой. Но, в отличие от смены пола, чему и посвящена работа, смена возраста оказывается попросту невозможной. Такое уникальное положение можно объяснить с самых разных позиций, но ключевое здесь то, что индивид не может изменить возраст по собственному желанию. Строго говоря, в российском законодательстве предусмотрены только три основания для смены возраста: ошибка при оформлении документов, попадание в программу защиты свидетелей и усыновление ребенка¹¹.

Все эти обстоятельства сами по себе не представляют интереса в рамках этой статьи, но особое отношение к возрасту нужно учитывать при поиске тех метафор, которые позволят говорить о сквозной теории возраста в социологии. Кроме этого, кажется важным, что «возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и разделение по часовым поясам, и если для детства она ещё оказывается эффективной, то в случае старости теряет свой предсказательный потенциал. <...> Иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять» [Смолькин, 2019, с. 9–10]. Такая угасающая сила категории возраста в её повседневном применении также должна быть учтена.

Было бы несправедливо после такого пространного рассуждения не предложить собственного кандидата на позицию базовой метафоры возраста. Сразу оговорюсь: сама по себе идея требует основательной работы с дальнейшей концептуализацией, чтобы продемонстрировать свою (не)состоятельность. Но всё-таки я её привожу, чтобы стимулировать читателей к нетривиальным способам мыслить привычные категории и пригласить коллег к дискуссии о необходимости новых оснований социологии возраста.

¹¹ В последнем случае изменение возможно до наступления возраста 1 года и с разницей не более чем на 3 месяца от фактической даты рождения. Источник: <https://agesecrets.ru/vozrast/zamena-daty-rozhdeniya-v-pasporte-skazka-ili-byt> (Дата обращения: 11.02.2024).

Выше уже приводились те характеристики, которые ассоциированы с категорией возраста: подконтрольность, недискретность, динамичность, относительность, нелинейность. Дополним их нормативностью («поведение [человека в определенном возрасте] должно соответствовать нормам» [Лаз, 2019, с. 147], а переход индивида из одного института или статуса в другой осуществляется в соответствии с возрастом [Бочаров, 2001, с. 11–12]), сконструированностью [Лаз, 2019] и необходимостью понимать возраст как целое, разделяемое на отрезки.

Не отказываясь полностью от образа вектора, упоминаемого в начале текста, но переосмысляя его через нелинейное отношение прожитых лет и тех предписаний, которые навязываются индивиду обществом, я предлагаю посмотреть на возраст как на смирительную рубашку с бесконечным количеством ремней, которая надета на человека, и с наступлением каждого нового года жизни на рубашке застегивается половина от оставшихся ремней. Метафора, безусловно, провокационная. В то же время она схватывает то стирание различий между возрастными по мере старения, на которое указывал Смолькин (чем больше человек прожил, тем больше на рубашке застегнуто ремней и тем меньше разница между предыдущим и следующим годом), учитывает невозможность отказаться от возраста или изменить его, зато позволяет притвориться человеком, который вовсе не связан по рукам, или оковы которого не настолько туго его связывают, насколько полагается его возрасту.

Смирительная рубашка явным образом отсылает к фукольдрианскому производству дисциплинированных тел [Фуко, 1999], к общественным ожиданиям и нормативным представлениям [Лаз, 2019], но ещё улавливает парадоксальное изменение без изменений, которое происходит с наступлением каждого Дня рождения: я вчерашний и я сегодняшний отличаемся только тем, что теперь при ответе на вопрос «Сколько тебе лет?» требуется называть новое число, на единицу больше предыдущего. И если в детстве эти изменения могут восприниматься самим индивидом как более ожидаемые, значимые и желанные, то чем дальше, тем менее заметной становится разница между собственными соседними возрастными. Также предполагается, что чем больше времени носитель проводит в смирительной рубашке, тем больше с ней свыкается и адаптируется. Применительно к возрасту это будет значить, что несмотря на всё возрастающее количество требований со стороны общества, человек способен игнорировать посягательства на собственную автономию [Гоффман, 2019] и действовать настолько свободно, насколько это возможно.

В завершение ещё раз сошлюсь на размышление Г. Хагестада о том, что мы бы, вероятно, преуспели в единой социологии возраста, если бы социологи стали активнее рефлексировать свой собственный опыт проживания конкретного возраста и мыслить самих себя

как молодых, взрослых или пожилых, а не как тех, кому категория возраста не свойственна вообще. Тогда, возможно, социология перестала бы воспроизводить стереотипы по отношению к не-взрослым и укреплять их дискриминируемое положение в обществе, а обратила внимание на сходства между людьми разных возрастов и особенности каждого возраста.

Источники

1. Бадью, А. Истинная жизнь / Пер. с фр. В. Липки. М.: РИПОЛ классик, 2018.
2. Бергер, П. Л., Бергер, Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. М.: Академический Проект, 2004. С. 25–398.
3. Бочаров, В. В. Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001.
4. Бурдые, П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
5. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
6. Гоффман, Э. Тотальные институты. М.: Элементарные формы, 2019.
7. Елютина, М. Э. Концептуальная метафора старости // Журнал социологии и социальной антропологии, 2023, 26 (2). С. 231–248.
8. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., & Чулина И. П. Теоретические и эмпирические аспекты изучения феномена старости // Образование и право, 2023, (2), С. 307–314.
9. Лаз, Ш. Веди себя по возрасту! // Социология власти, 2019, 31 (1). С. 146–179.
10. Лихачевская, А. В. Неконтролируемая экспансия метафоры: к дотеоретическим основаниям эмпирических исследований в социологии [Диссертация]. 2023.
11. Лишаев, С. В. К феноменологии зрелости // Вестник РХГА, 2017, №3. С. 95–107.
12. Смолькин, А. А. Социология возраста и границы социального конструирования // Социология власти, 2019, 31 (1). С. 8–13.
13. Смолькин, А. А. Социология возраста // Социодиггер, 2022, 5–6 (18). С. 27–29.
14. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
15. Шмерлина, И. А. Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия «институт») // Социологические исследования, 2017, №10. С. 15–25.
16. Эпштейн, М. Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Бюллетень сибирской медицины, 2006, №5. С. 48–57.
17. Hagestad, G. O. Studying Age Across Borders // Settersten, R., Angel, J. (eds.) Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, New York, NY, 2011. P. 651–654.
18. Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : сб. докл. / ст. участников XV Всерос. науч.-практ. конф. в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов». Санкт-Петербург, 9–11 октября 2019 г. / сост. Н. И. Лапин, Р. Х. Салахутдинова ; отв. ред. А. В. Немировская. СПб. : «Реноме», 2019.

Alina Likhachevskaya

Metaphors in Sociology of Age and the Necessity of Pretheoretical Basis

Alina Likhachevskaya — MA in Sociology, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka) **Address:** Moscow, Gazetny Lane, 3–5, building 1. **E-mail:** alina.likhachevskaya@yandex.ru

Abstract: The lack of a consolidated framework for conceptualizing age has led to the fact that sociology of age is now a bricolage of several disparate subdisciplines that study childhood, youth and old age separately. One of the effects of this fragmentation has also been sociology's insensitivity to adulthood as an independent category rather than an auxiliary attribute of the individual. The existing age classifications simultaneously assume adults as typical, inheriting previous authorities, while at the same time adulthood and age elude sociologists' attempts to define them. Before formulating fundamental concepts that can give the sociology of age coherence, we turn to the metaphorical logics that underlie current approaches to the study of different age groups, show their political background, and then propose our own version of a conceptual metaphor that might encourage sociologists to search for new sources of heuristics.

Keywords: metaphor, age, sociology of age, adulthood, childhood, youth, old age, aging.

References

1. *Badiou A.* (2018) *La vraie vie*. M. RIPOL Classics. (In Russ.)
2. *Berger, P.L., Berger, B.* (2004) *Sociology: A Biographical Approach // Personality-Oriented Sociology / M: Academic Project: 25–398.* (In Russ.)
3. *Bocharov, V.V.* (2001) *Anthropology of age: Study guide*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russ.)
4. *Bourdieu, P.* (2007) *Sociologie de l'espace social / Translated by N.A. Shmatko*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
5. *Elyutina, M.E.* (2023) *Kontseptual'naya metafora starosti [The conceptual metaphor of old age]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 231–248* (In Russ.)
6. *Epstein M.N.* (2006) *On philosophy of age. Fractal structure of life and periodic table of ages. Bulletin of Siberian Medicine, 5: 48–57.* (In Russ.)
7. *Foucault M.* (1999) *Surveiller et punir. Naissance de la prison. M.: Ad Marginem* (In Russ.)
8. *Garfinkel, G.* (2007) *Studies in Ethnomethodology*. SPb.: Piter. (In Russ.)
9. *Goffman, E.* (2019) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. M.: Elementary forms.* (In Russ.)

10. *Hagestad, G.O.* (2011) *Studying Age Across Borders* // Settersten, R., Angel, J. (eds.) *Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research.* Springer, New York, NY: 651–654.
11. *Laz C.* (2019) *Act Your Age.* *Sociology of Power*, 31 (1): 146–179. (In Russ.)
12. *Likhachevskaya, A.V.* (2023) *The Uncontrolled Expansion of Metaphor: Toward a Pretheoretical Basis for Empirical Research in Sociology [Dissertation].* (In Russ.)
13. *Lishaev, S.V.* (2017) *On Phenomenology of Maturity* // *Review of The Russian Christian Academy for the Humanities*, 3: 95–107. (In Russ.)
14. *Shmerlina I.A.* (2017) *Metaphor as a cognitive obstacle (exemplified by the concept 'institute').* *Sociological Studies*, 10: 15–25. (In Russ.)
15. *Smol'kin A.A.* (2019) *Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction.* *Sociology of Power*, 31 (1): 8–13. (In Russ.)
16. *Smol'kin, A.A.* (2022) *Sociology of Age* // *Sociology of Power*, 5–6 (18): 27–29. (In Russ.)
17. *Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., & Chupina I.P.* (2023) *Theoretical and empirical aspects of studying the phenomena of old age.* // *Education and Law*, (2): 307–314. (In Russ.)
18. *Conditions and methods of increasing of the activity of the youth as a subject of innovation and sustainable development of regions (2019)* Compiled by *Lapin N.I., Salakhutdinova R.H.* / Ed. *Nemirovskaya A.V.* Saint Petersburg: RENAME. (In Russ.)